

шаго старосту, потому что не всякій пойдет на эту должность, но избрать члена земской управы или гласнаго гораздо легче. Это потому, что тотъ, кто пойдетъ въ гласные и члены управы, не всегда пойдетъ въ старосты или старшины.

Еще разъ повторяю: на Амурѣ есть прекрасныя силы для земской работы, вышедшія изъ среды самого крестьянства, и можно только пожалѣть, что до сихъ поръ онѣ не имѣютъ возможности трудиться на этомъ пеприщѣ.

К.

Одна изъ ближайшихъ задачъ О-ва изученія Сибири.

Я уже указывалъ на страницахъ „Сиб. В.—въ“ *) на ту очередную задачу, которая, по моему мнѣнію, лежитъ передъ Обществомъ изученія Сибири и улучшенія ея быта и въ частности ея инородческой комиссіи: на необходимость теперь же приступить къ планомѣрному изученію землевладѣнія и хозяйственныхъ формъ сибирскихъ инородцевъ.

Но эта задача, какъ я ее понимаю и какъ я старался выяснить ее въ предыдущей статьѣ, есть лишь частный случай болѣе общей задачи, которая во всемъ своемъ объемѣ должна встать передъ Обществомъ, ставящимъ своей основной цѣлью всестороннее изученіе Сибири и содѣйствіе улучшенію ея быта: текущая „злоба дня“ выдвигаетъ не только ближайшіе судьбы не одного инородческаго землевладѣнія, она грозитъ благосостоянію не однихъ только сибирскихъ инородцевъ, нѣтъ,—рѣчь идетъ о сибирскомъ землевладѣніи вообще, о хозяйственныхъ формахъ и экономическомъ благосостояніи всей Сибири, взятой въ цѣломъ. Это фактъ, къ которому можно различно относиться, смотря по точкѣ зрѣнія каждаго, но котораго нельзя игнорировать, потому что въ данный историческій моментъ именно около него бьется социально-политическій пульсъ страны.

Предполагается, что „необъятная“ Сибирь своими землями должна, если не въ полной мѣрѣ, то въ значительной

*) „Сиб. Вопросы“ № 12.

его части разрѣшить мучительный россійскій аграрный вопросъ. Таковъ дворянско-бюрократическій лозунгъ текущаго момента. Пусть это одна изъ тѣхъ утопій, какія въ послѣдніе годы въ такомъ изобиліи создаетъ невѣжественная фантазія щедринскихъ „дикихъ помѣщиковъ“, такъ неожиданно для самихъ себя занявшихъ политическую арену страны. Пусть онѣ, эти фантазіи, не имѣютъ въ реальной почвѣ никакихъ корней, а потому заранѣе осуждены на практическое безплодіе. Въ этомъ утѣшительнаго еще весьма мало, такъ какъ трудно сомнѣваться, что для превращенія дворянской утопіи въ россійскую дѣйствительность будетъ ломаться и коверкаться самая подлинная дѣйствительность, обросшая живыми мускулами и нервами.

Сибирь это должна знать, что, въ свою очередь, должно обратить ея вниманіе на ея собственное земельное положеніе, должно создать потребность самоуглубленія, стремленія понять свое положеніе, „познать самое себя“. Отсюда—настоятельная необходимость всесторонняго, пристальнаго и детальнаго изученія своего землевладѣнія во всѣхъ его многообразныхъ формахъ, изученія своего хозяйственно-правового уклада. И поскольку Общество изученія Сибири и улучшенія ея быта будетъ выражать собою живыя теченія мѣстной жизни, постольку оно не можетъ уклониться отъ удовлетворенія предъявляемыхъ къ нему странною требованій: формы народнаго землевладѣнія и формы хозяйственно-правового строя должны быть изучаемы имъ не только въ отношеніи инородческихъ племенъ, населяющихъ Сибирь, но и еще въ большей степени, если это возможно, въ отношеніи ея русскаго населенія, главнымъ образомъ, ея крестьянства, какъ основной массы ея трудового населенія, подразумѣвая подъ послѣдней какъ коренное сибирское крестьянство—старожиловъ Сибири, такъ и ея новое крестьянство—переселенцевъ. Только охвативъ изученіемъ *все* населеніе Сибири и выработанныя имъ хозяйственно-правовыя формы, размѣры и формы землевладѣнія, Общество изученія Сибири выполнило бы стоящую передъ нимъ задачу во всемъ ея размѣрѣ и во всей ея сложности.

Переходя къ условіямъ ея практическаго разрѣшенія, пришлось бы повторить почти все то, что уже было сказано относительно изученія инородческаго быта и инородческаго

землевладѣнія: прошлое и въ этомъ случаѣ скопило громадныя матеріалы, остающіеся до сихъ поръ неиспользованными, какъ и въ отношеніи инородцевъ. Для выясненія хозяйственнаго строя и землевладѣнія сибирскаго крестьянина сдѣлано даже гораздо больше, чѣмъ для изученія хозяйственнаго строя и формъ народнаго землевладѣнія инородцевъ Сибири. Но и здѣсь то же поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное зрѣлище, какое мы уже видѣли относительно инородцевъ: и эти груды матеріаловъ остались почти неиспользованными, и они остались извѣстными лишь немногимъ специалистамъ. А между тѣмъ именно эти уже давно собранные матеріалы, но оставшіеся совершенно недоступными болѣе широкимъ слоямъ общества, освѣтили, какъ яркимъ лучомъ, прошлое русской земельной общины, о которомъ до того имѣлись лишь немногіе разрозненные, случайныя архивныя клочья фактическихъ данныхъ, не столько помогавшихъ выясненію вопроса о происхожденіи общины и основнаго характера ея эволюціи, сколько затемнявшихъ его и порождавшихъ ложныя теоріи.

Всѣ этого рода работы, посвященныя сибирскому крестьянству, какъ и инородцамъ, должны быть вынесены, наконецъ, изъ канцелярскихъ архивовъ на свѣтъ Божій, и заключающіяся въ нихъ цѣнныя научныя данныя сдѣланы достояніемъ широкихъ интеллигентно-трудовыхъ слоевъ Сибири.

Сдѣлать это можетъ Общество изученія Сибири, и это для него тѣмъ легче, что въ большинствѣ случаевъ однѣ и тѣ же статистическія экспедиціи подвергали изученію хозяйственный строй какъ сибирскаго крестьянства, такъ и сибирскихъ инородцевъ, а собранные ими и сгруппированные матеріалы составляютъ одно цѣлое. Изучая, въ лицѣ своей инородческой комиссіи, формы инородческаго хозяйства и землевладѣнія, О-во тутъ же будетъ находить гораздо болѣе обширный и цѣнный матеріалъ и о хозяйствѣ, и о землевладѣніи крестьянскомъ. Только разобравшись въ этомъ, давно накопленномъ научномъ богатствѣ, можно идти дальше въ дѣлѣ соціальнаго изученія Сибири.

Практически, можетъ быть, было бы рациональнѣе всего организовать на ряду съ инородческой комиссіей, о которой мнѣ пришлось говорить въ прошедшій разъ, комиссію крестьянскую, которая поставила бы себѣ цѣлью всестороннее

изученіе крестьянскаго вопроса въ Сибири, понимая его въ широкомъ смыслѣ слова, а на первую очередь изученія выдвинула бы формы крестьянскаго землевладѣнія и формы крестьянскаго хозяйства. Это внесло бы извѣстную законченность и стройность не только въ самыя работы по изученію Сибири, но и въ ихъ постановку. Но останавливаться на этомъ вопросѣ въ данный моментъ было бы преждевременно, такъ какъ пока имѣлось въ виду выяснитъ лишь принципиальную сторону дѣла.

Разработка уже собраннаго научнаго матеріала не можетъ, конечно, ограничиться данными статистическихъ экспедицій: огромный матеріалъ скопленъ мѣстной періодической печатью, какъ и различными мѣстными же научными обществами, но и онъ остался не разработаннымъ, а тѣмъ болѣе практически неиспользованнымъ. И онъ ждетъ своихъ работниковъ.

И медлить съ этимъ не слѣдуетъ: событія слѣдуютъ одно за другимъ съ неизвѣстной ранѣе быстротой, а практическіе вопросы, выдвигаемые ими на первый планъ, достигли вполнѣ небывалой остроты и значенія. Кто не хочетъ быть раздавленъ жизнью, тотъ долженъ постараться выработать въ себѣ наибольшую устойчивость и силу сопротивленія, а для этого прежде всего нужно знаніе—знаніе себя и окружающей среды. Если это вѣрно вообще, то вѣрно и въ примѣненіи къ Сибири и ея данному тяжелому положенію. Общество изученія Сибири должно пачать именно съ изученія того, что уже было сдѣлано ранѣе, и только послѣ этого оно можетъ сдѣлать слѣдующій шагъ въ самопознаніи и самоопредѣленіи.

С. Швецовъ.

ФОРМЫ КИРГИЗСКАГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ.

Аграрный вопросъ, волнующій населеніе Европейской Россіи и Кавказа, мало-по-малу проникаетъ и въ наши восточныя окраины и кое-гдѣ успѣлъ уже принять довольно острую форму, какъ, напр., въ киргизскихъ степяхъ, куда правительство, стремясь разрѣдить населеніе русскихъ губерній, вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ старается сбыть возможно больше крестьянъ, ищущихъ земли. Подъ поселки